

Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им.
С.И.Вавилова РАН
18.05.2023–20.05.2023.
Санкт-Петербург.
**Научная конференция,
посвященная 125-летию со дня рождения профессора М. А. Гуковского.
Тезисы выступлений.**

Сергей Олегович АНДРОСОВ

г.н.с., Отдел западноевропейского изобразительного искусства ГЭ

“Бывают странные сближенья” (М. А. Гуковский и А. Парронки)

В конце XX в. в истории искусства наметилось разделение на науку, условно говоря, «музейную» и «университетскую», которое продолжает развиваться и ныне. Матвей Александрович Гуковский (1898–1971) и Алессандро Парронки (1908–2014), будучи современниками, должны быть отнесены, скорее всего, ко второй категории, но оставили и публикации, касающиеся атрибуций произведений итальянского искусства. Гуковский всю жизнь изучал творчество Леонардо да Винчи. Он написал серьезное исследование о «Мадонне Литта», нашел в Эрмитаже рисунок Леонардо. Однако предложенная им атрибуция Леонардо картины «Флора» («Коломбина») вызвала негативную реакцию у специалистов. Парронки, профессор университетов в Урбино и во Флоренции, опубликовал не менее шести книг, в которых искал и находил неизвестные ранее произведения Микеланджело. За одним исключением, эти скульптуры так и не вошли в список достоверных работ мастера.

В сообщении делается попытка провести параллели между творческим методом обоих исследователей. Гуковский не имел возможности работать в итальянских архивах, но, как и Парронки, он широко использовал старую литературу, уделяя особое внимание происхождению изучаемых им произведений. И даже, если окончательные выводы обоих историков кажутся ныне спорными или устаревшими, их методика представляется не утратившей своего значения, а процесс исследования – не только интересным, но и поучительным.

Григорий Михайлович ВОРОБЬЕВ

Гентский университет

К истории рукописи «Панафинейской речи» Элия Аристида из собрания Отдела западноевропейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа

Греческая рукопись ГЭ, Инв.№ ОРр-3, созданная, вероятно, в XV веке, содержит «Панафинейскую речь» Элия Аристида – один из известнейших памятников прозы Второй софистики. Хотя в 1928 г. вышла статья М. А. Шангина с подробным описанием этого кодекса, он практически неизвестен и в изданиях Аристида не учтен.

После скупого описания в каталоге библиотеки князя Михаила Голицына 1866 г. и статьи М. А. Шангина рукопись упомянута в печати, если не ошибаюсь, только однажды, а именно в «Iter Italicum» П. О. Кристеллера – каталоге малоизвестных гуманистических рукописей из хранилищ разных стран (1963–1997 гг.). В пятом томе этого издания, вышедшем в 1990 г., Кристеллер перечисляет гуманистические рукописи, которые хранятся в Ленинграде, в том числе в Библиотеке и Отделении рисунков Государственного Эрмитажа. Краткие описания четырех латинских рукописей из эрмитажной библиотеки были предоставлены Кристеллеру, как он сообщает, М. А. Гуковским. Что касается Отделения рисунков, то хранившиеся там рукописи Кристеллер видел собственными глазами: он пишет, что ему их показывали в 1958 г. М. А. Гуковский и Т. Д. Каменская. В числе этих рукописей под старым инвентарным номером 78157 упомянут и наш кодекс (без ссылки на статью Шангина). Задача настоящего доклада – привлечь внимание к малоизвестному кодексу и к работе М. А. Шангина, а также дополнить сделанное им описание.

Марина Игоревна ДМИТРИЕВА
СПбГУ

Сиена эпохи Возрождения в трудах М.А. Гуковского

Научное наследие Матвея Александровича Гуковского – крупнейшего отечественного ученого–итальяниста, профессора и заведующего кафедрой истории средних веков СПбГУ (ЛГУ) включает в себя работы, посвященные широкому кругу проблем истории и культуры Италии эпохи Возрождения (общий список его печатных трудов составляет 173 наименования). Как писал еще в 1990 году в предисловии к изданию его «Итальянского Возрождения» другой крупнейший исследователь Возрождения, подготовивший это издание, профессор, доктор искусствоведения Александр Николаевич Немилев, труды Матвея Александровича способствовали формированию «...не одного поколения советских историков–возрожденцев». Свою научную ценность они сохраняют и сегодня, ведь, устанавливая связи между различными аспектами Возрождения, М. А. Гуковский видел свою главную задачу в изображении эпохи, как исторического целого. При этом, описывая основные процессы политического, социально–экономического и культурно–исторического развития отдельных итальянских городов–государств XIII–XV веков ученый фокусировал внимание на их специфике – то есть касался именно той проблематики, на изучение которой нацелена современная средневековая урбанистика. На примере Сиены – одной из крупных тосканских республик, соседки и соперницы Флоренции, в докладе рассматривается роль М. А. Гуковского в изучении истории и искусства отдельных итальянских городских центров эпохи Проторенессанса – Раннего Возрождения .

Галина Викторовна ДОРОФЕЕВА
Научная библиотека ГЭ
Надежда Александровна СЕРОВА
Научная библиотека ГЭ

Обзор редких книг из коллекции М. А. Гуковского.

Выставка в читальном зале Научной библиотеки Государственного Эрмитажа

В 2009 г. Серафима Иосифовна Брауде (1920–2013), сестра покойной сотрудницы Эрмитажа Аси Соломоновны Кантор-Гуковской, подарила библиотеке музея книги из личного собрания Матвея Александровича Гуковского (1898–1971) – известного ленинградского ученого, специалиста по всеобщей истории и истории искусства эпохи Возрождения, с 1959 г. по 1969 г. возглавлявшего Библиотеку Эрмитажа. Всего в музей на протяжении двух лет было передано около 1400 книг, 199 из них были приобретены или получены в дар вдовой собирателя уже после его смерти.

М. А. Гуковский знал и любил книгу, много работал в библиотеках и за свою жизнь собрал замечательную библиотеку. Сочинения античных и неолатинских авторов, произведения классиков итальянской литературы, важнейшие труды историков, литературоведов и искусствоведов в изданиях и переизданиях XV–XX вв. – вот перечень тематических разделов библиотеки, которую он собирал всю свою жизнь и которую, без преувеличения, можно назвать лучшей личной научной библиотекой по истории итальянского Возрождения в Ленинграде того времени.

Самая ценная часть собрания – 1 рукопись и 151 том западноевропейских изданий XV–XVIII веков – была выделена самим Матвеем Александровичем и хранились на отдельном стеллаже. Ныне они влились в фонд сектора редких книг и рукописей Научной библиотеки Государственного Эрмитажа.

Особый интерес в любом книжном собрании вызывают рукописи и инкунабулы. Единственная в собрании М.А. Гуковского рукописная книга – теологический трактат «О воплощении Слова Божия» на латинском языке, появившаяся, вероятнее всего, в Польше в XVIII веке. Инкунабулы представлены двумя экземплярами: популярная в XV веке «Космография» римского географа Помпония Мелы в венецианском издании Франциска Реннера 1478 года и трактат польского магистра теологии, профессора богословия в Эрфурте, картузианца Якоба де Клуза «О заблуждениях и нравах христиан», изданный в Любеке в 1488 году.

Издания XVI века представлены 85 экземплярами, 32 из них являются палеотипами. Ряд книг дошел до нас в переплетах тисненой кожи XVI века и, что особенно ценно, некоторые из них датированы. На многих сохранились экслибрисы, суперэклибрисы, владельческие записи, в том числе и таких известных коллекционеров как Генрих фон Бюнау (1697–1762), Иоанн-Фридрих Сапега (1680–1751), Йозеф Анджей Залусский (1702–1774), Петр Корнильевич Сухтелен (1751–1836), Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) и многих других менее известных библиофилов. Многочисленные читательские пометы, самые ранние из которых относятся к XVI в., позволяют проследить судьбу конкретных экземпляров.

Книги из собрания Гуковского представляет собой исключительный по ценности дар частного лица, один из самых значительных за всю историю библиотеки Эрмитажа, существенно пополнивший собрание редких книг музея.

Артём Игоревич Ключев
Омский государственный университет

М. А. Гуковский в архивных коллекциях РГАЛИ

Многогранная деятельность профессора М. А. Гуковского получила отражение в собраниях ряда государственных архивов. В частности, в архивных коллекциях Российского государственного архива литературы и искусства, нам

удалось обнаружить несколько групп документов, связанных с деятельностью Матвея Александровича Гуковского.

Делопроизводственная документация составляет одну из таких групп. В этой группе особый интерес вызывает обнаруженное в фонде Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР (ф. 962) личное дело Матвея Александровича Гуковского, профессора, заведующего отделом хранения Государственного Эрмитажа, датированное 7 февраля 1946 г. Оно содержит традиционный для делопроизводственной документации личный учетный листок и автобиографию историка.

Вторая группа найденных документов представляет собой личную переписку историка. Всего нами было выявлено около 35 листов писем и открыток, отправленных М. А. Гуковскими М. А. Гуковскому различными деятелям отечественной науки и культуры, среди которых письмо Наталии Петровне Рославлевой (ф. 2966), письмо Дмитрию Мироновичу Молдавскому (ф. 2873), письма Веры Аркадьевны Мичуриной-Самойловой (ф. 2044) и письма Михаилу Исааковичу Беретинскому (ф. 2873). Большая часть этих писем датирована 1950-мы годами и отражает широкий круг личных и общественных связей М. А. Гуковского.

Третья группа источников, выявленная в архивных коллекциях РГАЛИ, связана с научной деятельностью М. А. Гуковского и представлена документами из фонда Министерства культуры СССР (ф. 2329). Можно указать четыре текста М. А. Гуковского, которые связаны с предполагаемым участием историка в научных мероприятиях за границей, и с публикацией материалов исследований советских ученых за рубежом. Таковы тексты «Венецианская рукопись 17 в.», «Письма гуманистов к Тортелло», «Леонардо и Овидео» и рукопись статьи «Итальянское возрождение и Россия», подготовленной для съезда Международного общества историков Возрождения (1961 г.).

Светлана Викторовна КОКАРЕВА

Отдел западноевропейского прикладного искусства, ГЭ

Похищение палладиума. Знаковый сюжет в глиптике итальянского Возрождения

В Италии эпохи Возрождения искусство глиптики было поднято на высочайший уровень. В своем стремлении приблизиться к классическому идеалу итальянские резчики копировали или интерпретировали древнегреческие и древнеримские резные камни. Некоторые мотивы античных камей и инталий обрели особую значимость в итальянской художественной культуре XV–XVI вв. «Похищение палладиума» относится к их числу. Истоки этого сюжета находятся в глиптике эпохи Империи, когда популярность легенд, связанных с Троянской войной, выразилась, в частности, в многократно повторенной в камнях и инталиях сцене похищения Диомедом палладиума. В композиции некоторых гемм фигура Диомеда была дополнена фигурой Одиссея.

В искусстве итальянского Возрождения мотив похищения Диомедом палладиума распространился как следствие атмосферы обожания и преклонения перед знаковыми древними произведениями глиптики из знаменитых коллекций. Такой, к примеру, была

крупная инталия (не сохранилась; известна по слепкам), принадлежавшая Лоренцо Медичи и его потомкам. По частоте прямого повторения (геммы, бронзовые плакетки) и цитирования разного уровня точности (произведения графики, живописи и скульптуры) «Похищение Палладиума» могло соперничать с другим резонансным сюжетом, «Аполлоном и Марсием», заимствованным из античной инталии, также находившейся в коллекции Медичи.

В еще одном именитом собрании резных камней – герцогов Гонзага в Мантуе – с начала 1470-х гг. находился сердолик с вырезанной на его поверхности композицией, в которой в похищении палладиума задействованы и Диомед, и Одиссей.

Популярность этих и еще нескольких знаменитых античных подписных гемм с «Похищением палладиума» проявилась в их многократном повторении анонимными итальянскими резчиками.

Следующий всплеск интереса к группе древних гемм на тему похищения палладиума пришелся уже на 1720-е и более поздние годы XVIII столетия, после того, как на них обратил внимание и напечатал в своей книге о геммах с подписями древних резчиков известный знаток и собиратель резных камней Филипп фон Штош.

Основу доклада составят камеи и инталии из коллекции постклассической глиптики Государственного Эрмитажа.

Татьяна Никодимовна КОСОУРОВА

Отдел западноевропейского прикладного искусства, ГЭ

Итальянские вышивки эпохи Возрождения.

Техники и источники вдохновения

Эпоха Ренессанса принесла не только новое мировоззрение, но и новые виды технологий и производства. Это сказалось особенно ярко на художественных ремеслах, в частности на искусстве вышивки. В Италии в XV–XVI вв. в шитье, помимо других, использовали характерные именно для этого времени техники: аппликацию и технику «оттененного» золота. На них хочется остановиться подробнее. Как известно, развитие ткацких мануфактур способствовало производству шелковых тканей, и Италия славилась этой продукцией. Именно они стали основным материалом в аппликациях. Узор, вырезанный из одной ткани, накладывали на другую, обшивая его шнуром. Ткани чаще всего выбирали по контрасту, как цвета, так и фактуры. Например, по пушистому красному бархату выкладывался узор из гладкого светлого атласа или наоборот, атлас служил фоном для бархата. В узорах использовали мотивы стилизованных растительных форм, предпочитали стебли и листья аканта. Еще одним популярным мотивом стал гротеск. Появившиеся гравированные орнаментальные сборники предлагали различные варианты этих узоров. В аппликациях узоры выглядели всегда плоскими, подчеркивалось локальное цветовое пятно.

Второй оригинальной техникой, в которой итальянские мастера достигли больших высот, была разновидность работы с золочеными нитями – техника «оттененного» золота. Суть ее заключалась в следующем: на основу холста укладывались золоченые нити, а прикреп делался шелковыми нитями. В зависимости от того, как близко располагались стежки, создавалась интенсивность цвета. Предпочитали красные, синие, зеленые оттенки. Эта техника давала большие возможности в передаче объемов и пространства в изображении архитектурных мотивов и сюжетных сцен. Источниками вдохновения для вышивальщиков служили

современная живопись и архитектура, например, ниши со скульптурой в украшении храмов. Некоторые известные художники эпохи Возрождения создавали композиции специально для вышивки. Хотя эта техника и использовалась в других странах (Испания, Франция, Нидерланды), итальянцы, применяя очень тонкие нити, создавали более совершенные произведения.

Елена Сергеевна КРАВЦОВА
Новосибирск, ИИ СО РАН

«Я не знаю в чем я виновен и за что несу наказание»

В 1949 г. началась новая и последняя репрессивная кампания, организованная главой государства, И. В. Сталиным: против «безродных космополитов». 28 июля 1949 г. братья Матвей Александрович и Григорий Александрович Гуковские, евреи по национальности, были арестованы по обвинению в антисоветских настроениях, преступной связи с врагами советского государства, «протаскиванию антимарксистских установок» в преподавательскую деятельность. Григорий Александрович скончался в Лефортово в 1950 г., Матвей Александрович провел год в предварительном заключении, из него 4 месяца в одиночной камере. 5 августа 1950 г. он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей по ст. 58–10, ч. 1, и 58–11 УК РСФСР, которые был отправлен отбывать в Дубравлаг.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ, Ф. Р8131, Оп. 31, Д. 26655) хранится «Наблюдательное производство № 2112», материалы которого позволяют выявить причины ареста Матвея Александровича: это связь Гуковского с фигурантами «Ленинградского дела». Матвей Александрович неоднократно требовал объяснить, за что осужден, однако ни полный список обвинений, ни удовлетворительные доказательства вины предоставлены ему не были. Обвинительное заключение, с которым Матвей Александрович так и не ознакомился, отличается тем, что подменяет факты биографии Гуковского их пристрастной интерпретацией. Однако оно приоткрывает неизвестные детали его жизни в довоенный период: в частности, можно поставить вопрос если не о его участии в белом движении, то о попытке участия. Письма и прошения Матвея Александровича из мест заключения свидетельствуют об условиях пребывания в Дубравлаге и душевном состоянии заключенного. Документы, подшитые в дело после освобождения Матвея Александровича из Дубравлага в 1955 г., позволяют восстановить долгий и сложный процесс реабилитации и возвращения честного имени: по возвращении в Ленинград Гуковский боролся за то, чтобы снять с себя все обвинения, добиться полной реабилитации, а не снижения срока на 5 лет и амнистии. Только 27 декабря 1956 г. Ленинградский Городской суд постановил, что ни показания против Гуковского, ни показания самого Гуковского «не могут быть признаны бесспорными доказательствами его виновности», а дело Гуковского прекращено «за недоказанностью его виновности».

проф. Олег Федорович КУДРЯВЦЕВ
МГУ им. М. В. Ломоносова

**Флорентийская Платоновская академия:
мистификация или реальность (аннотация)**

Флорентийская Платоновская академия – одно из самых ярких, часто упоминаемых и, казалось бы, известных явлений ренессансной культуры. Однако, что она собой представляла и как осуществлялась ее деятельность – на эти вопросы не было дано понятных и убедительных ответов. Историография, начиная со второй половины XVI в., пыталась, так сказать, «освоить» это явление и находила в нем те черты, которые характерны для академических институтов той или иной эпохи. Посвященный Флорентийской Платоновской академии фундаментальный труд Арнальдо Делла Торре, выпущенный в свет в начале XX в. (1902 г.), не создал ясной картины ее возникновения, развития и функционирования. А ближе к концу этого же века стало высказываться сомнение (Дж. Ханкинс) в ее действительном существовании, подводившее к мысли о том, что Флорентийская Платоновская академия – историографический миф.

Проблема, однако, в том, что историки пытались Флорентийскую Платоновскую академию осмыслить в понятных им представлениях, оставляя без внимания установки, которыми руководствовались те, кого можно отнести к ее участникам, прежде всего ее глава – Марсилий Фичино, и игнорируя весь контекст духовных исканий ренессансного гуманизма. Хорошо, что в историографии стали признавать неформальный и неофициальный характер этой Академии, представлявшей собой своего рода вольное ученое товарищество, или братство, которое образовалось вокруг Фичино и которое разделяло его философско–богословские устремления. Впрочем, сам Фичино и его последователи трактовали Платоновскую академию более широко, ибо для них она – не только и не столько кружок почитателей философии Платона и неоплатоников, сколько некий вселенский собор благочестивой мудрости, или метаисторическое единство великой традиции, уходящей корнями в самые отдаленные времена существования человечества и причастной богооткровенным истинам, которые суммировал Платон, прокомментировали его продолжатели и сделал доступным миру латинской образованности Фичино

Зоя Владимировна КУПЦОВА

Отдел западноевропейского изобразительного искусства, ГЭ

**«Школа всему свету»: цитирование картонов
Леонардо да Винчи и Микеланджело в XVI столетии**

Сообщение посвящено цитированию фрагментов композиции несохранившихся картонов «Битва при Кашине» и «Битва при Ангиари». В 1502–1503 гг. Леонардо да Винчи и Микеланджело приглашены Флорентийской республикой для создания фресок на стенах Зала пятисот в Палаццо Веккьо. Монументальные композиции должны были иллюстрировать славные исторические баталии флорентийцев: битвы с пизанцами и миланцами. Два главных мастера Высокого Ренессанса вступили в поистине титаническое творческое состязание и довели дело до огромных картонов, выставленных в 1505 на обозрение публики. Композиции не были осуществлены в полной мере: Леонардо едва успел приступить к росписи стены, а Микеланджело остановился лишь на подготовительной работе. Однако картоны великих мастеров были доступны зрителям долгое время и пользовались особой популярностью. Приходили не только смотреть композиции, но и с целью поучиться. Бенвенуто Челлини в своей биографии назвал это событие «школой всему свету». Авторские композиции не дошли до наших дней, картоны растащили по фрагментам, но отголосок

великого состязания был слышен на протяжении всего XVI века, отдаваясь эхом в произведениях последующих поколений художников.

Татьяна Николаевна ЛЕХОВИЧ

Отдел западноевропейского прикладного искусства, ГЭ

Серия шпалер «Времена года. Гротески» из коллекции Эрмитажа.

Загадки иконографии и происхождения.

Серия состоит из пяти шпалер: «Зима – Эол», «Весна – Венера», «Лето – Церера», «Осень – Вакх», «Аполлон и знаки Зодиака». В центре композиции каждой шпалеры в круглом медальоне в венке из листьев и плодов изображены фигуры богов. Обрамляющий их гротескный орнамент близок к манере Перино дель Вага, что заставляет многих исследователей соглашаться с версией об его авторстве. Долгое время местом производством серии шпалер «Времена года» считалась одна из итальянских мастерских. Однако при дальнейшем изучении стало очевидным, что серия была выполнена в одной из мастерских Брюсселя.

Было высказано предположение, что эрмитажная серия была заказана одним из членов семьи Фарнезе – кардиналом Алессандро или папой Павлом III около 1540–1545 гг. На это указывают эмблемы этой семьи – крылатая молния и два дельфина, помещенные на всех шпалерах. Нидерландское происхождение серии также косвенно подтверждает, версию о том, что Фарнезе были заказчиками серии, так как эта семья славилась своей исключительной коллекцией шпалер, вытканых в лучших фламандских мастерских.

Инвентарные описи Французской королевской коллекции XVI–XVIII веков содержат описания серии шпалер, чрезвычайно похожей на эрмитажную серию «Времена года. Гротески.»

В настоящее время три шпалеры серии находятся в залах Эрмитажа, неизменно обращая на себя внимание посетителей. Это, несомненно, один из лучших шедевров в коллекции Эрмитажа, который содержит в себе множество загадок. Так, к примеру, очень сложная и насыщенная иконография шпалер имеет прямые пересечения с «Гипноэротомехией Полифила» Франческо Колонны и алхимическими учениями. Доклад будет посвящен краткому анализу иконографии шпалер, а также их истории до поступления в Эрмитаж

Маргарита Георгиевна ЛОГУТОВА
РНБ

Кельнский иллюминированный пергаменный молитвенник 1480-х гг. в собрании рукописей Российской Национальной библиотеки

Хранящийся в Российской Национальной библиотеке, СПб пергаменный молитвенник (шифр: Lat.O.v.I.206) с циклами миниатюр и молитв “Vita Christi” был создан в Кельне в 1480-х гг. В этом молитвеннике земная жизнь Христа представлена 41 миниатюрой в лист, начиная со сцены Благовещения, и заканчивая Страшным судом. Миниатюры с эпизодами из Евангелий помещены на левых сторонах разворота книги, относящиеся к ним молитвы – на правых, образуя своего рода молитвенные единицы. Такое расположение текста и изображения основано на привычном движении взгляда по развороту книги: сначала на левую сторону (с миниатюрой), затем на правую (с текстом). Изображение давало зрительный импульс, представляло молящемуся тему молитвы и подготавливало к молитве. Затем взгляд обращался вправо к молитвенным медитациям на евангельские тексты, и начинался сам процесс молитвы.

Владимир Иванович МАЖУГА
СПБ ИИ РАН

О рисунках болонских нотариев в рукописи XIV в. (Науч. архив СПб ИИ РАН, к. 590, н. 1)

В Научном архиве СПб ИИ РАН хранится самый ранний список комментария выдающегося правоведа XIV в. Бартоло да Сассоферрато к третьей части Дигест по средневековому делению этого памятника поздней античности. Глоссы некоторых из создателей кодекса и позднейших комментаторов на полях кодекса перемежаются со множеством рисунков и частым орнаментальным выделением частей текста. Порою рисунки служат обрамлением словесных глосс. Изучение стилистики изображений позволяет исследователю правовых рукописей средневековья лучше понять историю создания кодекса в ведущем университетском центре Европы, каким была Болонья в XIV в., и, в частности, помогает определить руку главных авторов глосс.

При сопоставлении рисунков с содержанием соответствующих частей текста обнаруживается, что изображения определенных типов указывают всякий раз на род обсуждаемых юридических вопросов, словом, изображения эти имели свою смысловую специализацию. Удалось установить, что всюду, где появляются изображения разного рода птиц и существ с птичьими признаками, речь идет о темах правовой опеки, совести или формах дарения, и это независимо от того, чьей рукой выполнены рисунки.

Подобно изображениям птиц в кодексе несли свое особое содержание изображения человеческого лица разных типов. Например, гротескные толстогубые физиономии с курносими обычно носами мы встречаем там, где речь идет о явке в суд или предъявлении документа, необходимого для начала судебного разбирательства, или же о составлении документов в ходе судебного разбирательства. Лица с особыми колпаками на голове, порою с открытым ртом и высунутым языком появляются там, где речь идет об угрозе смертного приговора.

И это только малая часть репертуара наших рисовальщиков. Особую, но, надеемся, преодолимую трудность в изучении изображений составляет определение грани между средневековой традицией и новым ренессансным стилем, без чего невозможно надежное воссоздание истории уникального рукописного памятника, хранящегося в

Петербурге. Подобные вопросы из истории искусства Раннего Возрождения особо занимали М. А. Гуковского

Екатерина Николаевна НЕКРАСОВА

Отдел западноевропейского прикладного искусства, ГЭ

«Нечто вроде смеси живописи со скульптурой»: сиенские эмали XIV в.

В докладе дается обзор небольшой коллекции итальянских памятников с прозрачными эмалями в собрании Эрмитажа.

Обновление в искусстве живописи, начавшееся в Сиене во второй половине XIII в., появление интереса к игре света требовали подобных поисков и в других материалах. И в конце XIII в. была изобретена техника прозрачной эмали на серебре – «*spezie di pittura mescolata con la scultura*», как назвал ее Джорджо Вазари во введении к своим «Жизнеописаниям». Изобретение стало важным шагом в развитии эмалирования: стеклянная пудра теперь накладывалась на невысокий рельеф, вырезанный в серебряной пластинке; серебро при обжиге не окислялось, что позволяло использовать прозрачную эмаль, а толщина ее слоя варьировалась, создавая невозможные раньше, в выемчатой или перегородчатой техниках, тонкие эффекты светотени.

Сиенские ювелиры пользовались заслуженной славой и нередко подписывали свои произведения. Первым памятником в этой технике считается знаменитый потир из базилики Сан Франческо в Ассизи, выполненный сиенцем Гуччо ди Манная по заказу папы Николая IV ок. 1290. Мастера выполняли заказы и в других городах Тосканы, в Умбрии, работали при Анжуйском дворе в Неаполе и папском в Авиньоне; оказали значительное влияние на французских мастеров. Название «сиенские эмали» закрепилось за техникой (как прежде «лиможскими» могли называть и выемчатые эмали из других центров), и потому точная атрибуция неподписанных памятников Сиене проблематична.

Среди потиров и крестов, медных с серебряными эмалевыми вставками, в эрмитажном собрании выделяется полностью серебряный потир с великолепным чеканным растительным орнаментом на подножии. Мастер не оставил своего имени, но качество работы предполагает высокий статус заказчика, а изображение среди неизвестных святых Святого Людовика Тулузского позволяет предполагать, что его происхождение связано с Неаполитанским королевством.

Ирина Павловна ПОТЕХИНА

СПБГТИ (ТУ)

М. А. Гуковский и традиции изучения истории папства в рамках научной школы Петербурга – Петрограда – Ленинграда

Становление медиевистических штудий в стенах учебных и научных заведений Санкт-Петербурга продолжается уже более полутора столетий. Однако далеко не все аспекты истории европейского Средневековья – даже в периоды, относительно благоприятные для развития отечественной исторической науки, – получили адекватное раскрытие в трудах местных ученых. К числу подобных тем – привлекательных, но сравнительно мало изученных – без сомнения, можно отнести историю средневекового папства. Как показали наши предшествующие изыскания, к

специальному изучению сюжетов, связанных с развитием Западной церкви и ее центрального института, св. Престола, петербургские медиевисты (а равно и церковные историки) досоветского периода обращались довольно редко и притом, как правило, в рамках узкой исследовательской проблематики, что объяснялось по преимуществу с наличием специфических идеологических установок. «Жертвой идеологии» исследования по истории папства стали и в советские годы. На этом фоне М. А. Гуковский, не будучи специалистом непосредственно по церковно-исторической проблематике, в условиях довлеющей марксистско-ленинской догмы, сумел построить исключительно насыщенный, фундированный и в то же время увлекательный нарратив о папском престоле – при этом в один из самых сложных периодов его истории, в последние столетия Средневековья, давшие жизнь Итальянскому Возрождению.

проф. Нина Викторовна РЕВЯКИНА
Иваново, ИвГУ

О судьбах антропоцентризма в итальянском гуманизме

Обсуждая проблемы антропоцентризма – одной из наиболее характерных черт гуманистической идеологии Возрождения, гуманисты обращаются к животным, видя в них при сравнении с человеком хороший аргумент для доказательства человеческого превосходства. В нашем выступлении прослеживается, как на протяжении XV и XVI вв. оценка животных в гуманизме претерпевает изменения – от отказа животным в разуме, воле и бессмертии у активных защитников антропоцентризма до интереса к животным самим по себе (Альберти, Пьер Кандидо Дечембрио) и нахождения у них некоторых качеств, сближающих их с людьми (трудолюбия, милосердия, любви к детям (Веджо, Пальмиери и др.); у животных находят разум (Валла, Марцио), появляется критика людей в сравнении с животными (Галатео), животные даже провозглашаются образцом, которому человек должен подражать («Муха» Альберти). И, наконец, в XVI в. в «Золотом осле» Макиавелли и в «Цирцее» Джелли с помощью сюжета гомеровского эпоса воспроизводится взгляд на человека извне, со стороны животных, вне человеческого измерения ценностей, и широко разворачивается критика всех социальных устоев и моральных норм человеческой жизни.

Все эти взгляды подрывают представление о превосходстве человека в мире, идеям антропоцентризма нанесен ощутимый удар. Но они не исчезли. Макиавелли не закончил «Золотого осла», и последнее слово им не было сказано. А в «Цирцее» Джелли посвящение Козимо де Медичи и последний (10) диалог работы демонстрируют торжество антропоцентризма; но разговор с животными в 9 других диалогах, где животные критикуют человека и отказываются снова стать людьми, вносит в обсуждение идеи тесной связи с природой, опыт, высокую оценку чувственного знания, острое осознание жизненных проблем – темы очень важные для более глубокого и столь необходимого осмысления человека в гуманизме в условиях драматических событий XVI в.

«Цирцея» Джелли пользовалась большой популярностью и была переведена, на латинский и на все основные европейские языки. Вместе с «Золотым ослом» Макиавелли она стала предвестием идей Монтеня.

Михаил Львович СЕРГЕЕВ

СПбФ ИИЕТ РАН

Образ ученого-гуманиста в предисловиях и посвящениях Конрада Гесснера

Паратексты изданий раннего Нового времени выполняли множество функций: легитимировали сам факт публикации и сообщали ей точные библиографические параметры, облегчали информационный поиск, связывали сочинение с научной традицией. Но, пожалуй, еще более заметной и значимой (для судьбы сочинения и для карьеры автора) была их роль в отнесении публикуемого труда к актуальному научному, социальному, а часто и политическому контексту. Это достигалось за счет представления замысла и достоинств книги, а также через самопрезентацию автора, иногда – скорее шаблонную, избыточную топосами и риторическими фигурами, но иногда – более индивидуализированную, включающую фрагменты автобиографического нарратива. Как раз ко второму типу относятся многочисленные предисловия и посвящения швейцарского полимата Конрада Гесснера (1516–1565), освещающие длительный период его жизни – от раннего детства до работы в должности цюрихского архиатра и профессора философии в протестантском колледжуме. Насколько известно, Гесснер не вел дневников и не оставил отдельных воспоминаний, поэтому, наряду с его медицинскими письмами, паратексты книг являются важнейшими эго–документами, позволяющими реконструировать обстоятельства биографии и психологический портрет их автора. Наибольший интерес с точки зрения истории становления Гесснера–ученого представляют издания начала 1540-х гг., о которых пойдет речь в докладе. Эти книги (преимущественно переводы и словари) готовились в тот период, когда Гесснер только предпочел преподаванию греческого языка в Лозаннской академии занятия медициной, что предполагало новый ученический период и необходимость заново обрести статус в профессиональной иерархии. И сам характер, и тематика публикаций этих лет, и, конечно, их паратексты отражают опыт самоопределения, в котором сочетались идеалы врача, натуралиста и филолога

Артем Михайлович СКВОРЦОВ
СПбФ ИИЕТ РАН

Практики подготовки учёных–медиевистов в Ленинградском университете в 1930–е гг.

1934 г. стал переломным для медиевистического образования в Советской России. На воссозданную кафедру истории Средних веков тогдашний заведующий Н. Н. Розенталь пригласил для занятий с аспирантами своих учителей И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественскую. Законодательство об аспирантуре 1930-х гг. лишь в самых общих чертах характеризовало процесс подготовки учёных, что способствовало свободному наполнению руководителями содержания обучения. И специалисты старой школы, привлечённые к этому важному государственному делу, реализовывали идеи традиционной науки, дореволюционные подходы. Они настаивали на семинарской форме занятий как наиболее оптимальной при подготовке исследователей, способствующей формированию исследовательских навыков у молодых медиевистов. Школу Гревса и Добиаш-Рождественской в эти годы прошли А. С. Бартнев, С. М. Пумпянский, Б. Я. Рамм, В. И. Холмогоров, В. Н. Семёнов.

Реализуемый на семинарах Гревса историко-филологический подход не только развивал навыки чтения средневекового источника на языке оригинала, но и позволял встроить анализируемый материал в широкий исторический контекст. Исторический источник не замыкал аудиторию на себе, но был значим с точки зрения раскрытия панорамы общественной, политической и культурной жизни общества определённого времени. Параллельно с занятиями И. М. Гревса шли и семинары О. А. Добиаш-Рожественской: в течение первых полутора лет аспиранты слушали лекции, занимались под непосредственным руководством руководителя семинара лабораторной работой по западной историографии, дипломатике, исторической хронологии и географии, а после слушателям предлагалось самостоятельно исследовать документы из собрания Публичной библиотеки, которые могли напрямую не соотноситься с избранной диссертационной темой.

В своих основных очертаниях система подготовка кадров высшей квалификации в Ленинградском университете 1930-х гг. соответствовала дореволюционным стандартам. Воспроизводились прежние критерии оценки подготовленности молодых людей к занятиям наукой, главным из которых был высокий уровень источниковедческой и историографической культуры.

Татьяна Ивановна СЛЕПОВА

Отдел нумизматики, ГЭ

Нумизматические «причуды» Изабеллы д'Эсте

Весьма значительная коллекция ренессансных монет Мантуи, Феррары, Рима, хранящихся в Эрмитаже, побудили автора приступить к изучению этих интереснейших нумизматических памятников. В докладе прослеживается роль коллекционеров, способствовавших формированию той атмосферы, которая способствовала появлению подлинных шедевров. Автор приводит примеры кабинетов – *studiolo*, в которых занимались изучением памятников истории и культуры. Отмечается роль Изабеллы д'Эсте, создавшей первый в истории Ренессанса *studiolo*, принадлежавшей женщине. Также использованы материалы переписки «Ренессансной принцессы» со скульптором и медальером Джанкристофоро Романо. На основании анализа сохранившегося инвентаря коллекций Грота Изабеллы (1542 г.) автор приходит к выводу о составе ее нумизматической коллекции. В качестве иллюстрации монетного дела Мантуи приводятся монеты, чеканенные маркизом Франческо II, супругом Изабеллы д'Эсте. Обращается внимание на содержание монетных легенд, свидетельствующих о тесной связи с античной культурой. В контекст исследования введен экономический и политический фон Итальянских государств.

В приложении помещены фотографии двух монет Франческо II с их определением (илл. 1 и 2).

1. Двойной Тестон Франческо II, 4-го маркиза Мантуи (1484–1519). Серебро.
Диаметр – 32,50; Вес – 19,34. ГЭ ОН–3–8888

2. Тестон с тигилем без обозначения года. Серебро.
Диаметр – 28,00. Вес – 9,75. ГЭ. ОН–3–8895

Наталья Брониславовна СРЕДИНСКАЯ
СПБНИИ РАН

Культура феррарского Ренессанса в трудах Е. В. Бернадской

Елена Викторовна Бернадская (1918–2004), ученица М.А. Гуковского, поступила под его руководство в 1945 г., когда она перевелась в аспирантуру ЛГУ. Именно он определил тему ее диссертации: «Возникновение синьории в Ферраре». Эту тему Е. В. разрабатывала всю жизнь, это и принесло ей наибольшую известность не только в России, но и за рубежом. И в диссертации, и других ее трудах феррарская синьория не рассматривалась исключительно в рамках политической истории, но всегда в связи с развитием того особого явления, какое представлял собой феррарский Ренессанс.

Бернадская сосредоточила внимание на роли синьоров как меценатов и заказчиков, привлекавших в Феррару представителей новой культуры. Таким образом, ее труды способствовали изучению городской истории в тесной связи с понятиями власти и господства, а также культуры, искусства и знания.

Дмитрий Николаевич СТАРОСТИН
СПбГУ

Учитель и ученик: И. М. Гревс и его воспоминания о В. Г. Васильевском

Матвей Александрович Гуковский был организатором научного дела, настоящим строителем живой культуры, он умел преподавать и блестящие примеры педагогического мастерства, но его образ мало сочетается с образом почтенного наставника университетской молодежи, который мы связываем с личностью основоположника петербургской школы медиевистики, И. М. Гревса. И тем не менее можно утверждать, что М. А. Гуковскому выпала роль главного продолжателя школы Гревса в советский период истории России. Не случайно М. А. рассматривал коллег, лично связанных с Гревсом, как наиболее верных своих сотрудников и товарищей. Но можно увидеть и более глубокую связь между двумя выдающимися деятелями образования и культуры, если внимательнее рассмотреть, что, собственно, ценил сам Гревс в лучших профессорах истории.

Крайне интересна и познавательна биография выдающегося отечественного византиста В. Г. Васильевского, написанная И. М. Гревсом около 1908 г., которая представляет собой попытку свести воедино традиционный жанр биографии и попытку создать описание повседневной жизни и трудов ученого. В личном архивном фонде Гревса в составе Архива Академии наук наряду с этим трудом И. М. Гревса содержатся записи и некрологи, посвященные другим современным Гревсу деятелям отечественного и зарубежного университетского образования. Написанную им биографию В. Г. Васильевского интересно сопоставить с некоторыми из этих материалов.

В архиве сохранились заметки и некрологи, посвященные людям, с которыми И. М. Гревс был связан на начальном этапе своей научной деятельности. Так, С. Ф. Ольденбург и группа «Приютино» были частью его жизни в студенческие годы. В биографии В. Г. Васильевского Гревс строго придерживался законов жанра «ученик об учителе», тогда как в отношении сверстников допускал достаточно скрытой иронии. Приютинское братство напоминало ему круг друзей Августина Блаженного, которые, не подумав о своих женах, решились устроить коммуны.

Потомственный итальянский аристократ А. В. Гизетти (сын которого А. А. Гизетти может считаться учеником И. М. Гревса) тоже входил в круг знакомых И. М. Гревса. Французский исследователь Гастон Буассье, основатель экскурсионного метода в истории, был одним из тех, к кому был прикован взгляд И. М. Гревса в его молодые годы. Как особо важный общий элемент биографических трудов Гревса, отметим его внимание к смене поколений в научной среде и его стремление документировать ее.

Владимир Владимирович ШИШКИН
СПбИИ РАН

Автограф Мишеля де Монтеня в ГИМ: подделка для коллекционера?

В описи французских автографов коллекции графа Г. В. Орлова в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва) значится письмо философа–моралиста Мишеля де Монтеня, адресованное неизвестному лицу («Монсеньору») в Париж и датированное 2 марта 1590 г. (картон 13, № 59). Автограф был приобретен графом при неизвестных обстоятельствах, скорее всего в начале XIX в. Палеографический и кодикологический анализ письма, однако, позволил усомниться в его подлинности, несмотря на несомненные элементы схожести с почерком и формой иных писем Монтеня. В докладе приводятся аргументы за и против.

Марк Аркадьевич ЮСИМ
Москва, ИВИ РАН

«Фантазии к Содерини» флорентийского секретаря и их адресат

В 1969 г. итальянскими исследователями было сделано важное для изучения биографии и творчества Никколò Макиавелли открытие: письмо, известное как Ghiribizzi al Soderini и ранее относимое к 1512 г., когда флорентийский секретарь лишился своего поста, было передатировано 1506 годом. Выяснилось, что его адресатом был не Пьеро Содерини, пожизненный гонфалоньер республики, а его племянник Джован Баттиста. Значимость письма, сохранившегося в черновике и, возможно, так никогда и не отправленного, состоит в том, что развитые в нем мысли о противостоянии человеческой доблести и фортуны, о противоположности путей, ведущих к успеху и о превратности политических судеб на 6–7 лет предвосхищают содержание основных трудов Макиавелли: «Государя» и «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия». За последние десятилетия ученые не раз обращались к анализу упомянутого наброска, пытаясь уточнить мотивы и обстоятельства его написания, но некоторые детали до сих пор остаются малопонятными, в том числе и вопрос о том, почему секретарь Совета десяти стал развивать важные для себя идеи в письме к племяннику главы правительства. В данном случае речь идет о гипотезе, объясняющей это обстоятельство и связанной с матримониальными планами семьи Содерини.

Елизавета Михайловна ЯКОВЛЕВА

Зав. Отд. Научный архив рукописей и документального фонда ГЭ

Ирина Георгиевна ЕФИМОВА

Научный архив рукописей и документального фонда ГЭ

Обзор личного фонда М. А. Гуковского, хранящегося в Научном архиве Государственного Эрмитажа

Доклад посвящён обзору личного фонда Матвея Александровича Гуковского (1898–1971) – доктора исторических наук, профессора Ленинградского Государственного университета, заведующего Научной библиотекой Государственного Эрмитажа.

Личный фонд Матвея Александровича был передан в Эрмитаж С. И. Брауде в 2012 г. Фонд включает в себя личные документы, фотографии, материалы служебной

деятельности, научные работы, переписку с зарубежными и отечественными деятелями культуры.

Особым блоком представлены материалы, связанные с его арестом и освобождением из лагеря «Дубравлаг», в том числе «выездное дело» М. А. Гуковского, содержащее его автобиографию, характеристику и анкету.

Важное место занимают рукописи М. А. Гуковского, среди которых «Мои воспоминания», «Моя премия», «Библиотека Гос. Ордена Ленина Эрмитажа за 50 лет». Особый интерес представляет «Затуленский дневник», иллюстрированный фотографиями (лето 1939 г.), написанный М. А. Гуковским во время отпуска в селении Затуленья Псковской области.

Многогранность деятельности М. А. Гуковского находит отражение в документах, связанных с театром, кино, балетом – таких, как тексты выступлений М. А. Гуковского перед киносеансами, отзывы, рецензии на театральные и балетные постановки. Кроме того, в личном фонде хранится набор художественных открыток с портретов, выполненных Н. П. Акимовым, с его дарственной надписью и каталог «Работы для кино» (1964 г.) с автографом советского художника–постановщика киностудии «Ленфильм» И. Н. Вусковича.

Внимания заслуживают воспоминания о М. А. Гуковском, написанные А. Х. Гарфункелем, Ж. К. Павловой, А. Д. Роловой; а также комплекс документов, связанный с празднованием семидесятилетнего юбилея учёного: пригласительные билеты, поздравления в стихотворной форме от коллектива Научной библиотеки Государственного Эрмитажа, сценарий капустника «Жизнеописание М. А. Гуковского в песнях и плясках».

Коллекция документов М. А. Гуковского представляет значительный интерес для исследователей и раскрывает самые разнообразные аспекты его научной, педагогической и творческой деятельности.